

СЕРГЕЙ НАЗАРИЯ

Оккупация или воссоединение?

Окончательное решение бессарабского вопроса и его освещение в посткоммунистической румынской историографии

События 1940 года, связанные с присоединением Бессарабии и Северной Буковины к СССР, их причины, предыстория и исторические последствия продолжают оставаться объектом самых активных дискуссий. В румынской националистической историографии, в рамках которой история XX века отражается почти исключительно с «патриотических» позиций, иная точка зрения воспринимается откровенно враждебно. На этот факт указывают не только российские, но и западные историки. Так, например, голландец В. П. ван Мерс отмечает: «...в контексте написания румынской истории “объективность” понимается как “соответствие румынским национальным интересам”, а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей»¹.

На этом фоне вполне естественной выглядит позиция, суть которой можно выразить словами современного румынского историка Ш. Константинеску: «...включение Бессарабии и Северной Буковины в состав

СССР является откровенным и грубым выражением применения силы в международных отношениях. Действия Советского Союза в июне 1940 года в отношении Румынии ясно доказывают, что Москва являлась агрессором, а наша страна оказалась подвергнутой агрессии»².

Именно поэтому необходимо вновь и вновь, совершенствуя аргументацию и расширяя круг источников, возвращаться к разговору на эту принципиально важную тему. Вкладом в решение этой задачи является и публикация настоящей статьи.

Предыстория событий: свидетельства документов и оценки исследователей

Во второй половине 1930-х годов, задолго до событий 1940 года, наблюдается постепенная внешнеполитическая переориентация Румынии с Франции на Германию. Уже после Мюнхена в одной из своих бесед с германским послом Фабрициу-

¹ W. P. van Meurs. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. Chişinău, 1996. P. 409.

² Ş. Constantinescu. *Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară*. — «Historia. Revistă de istorie». 2006. № 12. P. 52.

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович — доцент Государственного института международных отношений Молдовы, кандидат исторических наук, доктор политических наук.

Окончание. Начало см. «Свободная Мысль». 2013. № 2.

Ключевые слова: бессарабский вопрос, оккупация, советско-румынские отношения, территориальный спор, изоляция, претензии, безопасность, соглашение.

сом король безапелляционно заявил, что «он лучше хотел бы видеть в своей стране немцев в качестве врагов, нежели русских в качестве друзей»³. А 11 августа 1939 года Карл II ответил турецкому президенту Мустафе Исмету Иненю, что ни при каких обстоятельствах не допустит пропуска Красной армии через румынскую территорию, даже если она придет «на помощь румынской армии»⁴.

Так называемый пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 года стал первым реальным сигналом подготовки решения бессарабского вопроса и вызвал растерянность в Бухаресте. Советское руководство понимало «свою заинтересованность в Бессарабии» исключительно как ее возврат и включение в состав СССР. В Бухаресте — естественно, не зная о дополнительном секретном протоколе — в целом правильно оценили возможные последствия советско-германского договора для Румынии. Как писал тогдашний министр иностранных дел Г. Гафенку, Россия «хочет вернуть свои границы периода до 1914 года, а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»⁵.

Развязывание войны в Европе усилило стремление Румынии дистанцироваться от Англии и Франции⁶. С началом Второй мировой войны происходит определенная эволюция и советско-румынских отношений. Румынистские историки истолковывают ее как целенаправленную по-

литику СССР против Румынии. Так, И. Шишкану приходит к выводу, что «после подписания советско-германского пакта и секретного дополнительного протокола отношение СССР к Румынии эволюционировало в сторону рассчитанной и постоянно усиливающейся враждебности»⁷.

В таких условиях к середине 1940 года набирает обороты дальнейшая прогерманская ориентация внешней политики румынских правящих кругов⁸. Так, 20 июня премьер Г. Тэтэреску передал Фабрициусу ноту, в которой предлагал свою страну в качестве «верного союзника рейха», говоря о «всегда существовавшей общности интересов» между двумя государствами. Он отмечал, что мощь Румынии является гарантией того, что она будет в состоянии выполнить свою роль защитника Днестра и устья Дуная. О том же в беседе с американским посланником Ф. Понтером 24 июня говорил и И. Джигурту⁹.

В сложившейся международной ситуации, когда в результате гитлеровского наступления на Запад Франция и Англия надолго «выходили из игры» и в то же время основные силы вермахта были пока скованы на запа-

⁷ **I. Şişcanu.** Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române, 1940. Chişinău, 2007. P. 57; см. также: **A. Hillgruber.** Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938—1944). București, 1994. P. 96.

⁸ См.: **В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.** Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 322—323; **Б. М. Колкер, И. Э. Левит.** Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). С. 86, 97—98, 105; **Gh. Buzatu.** România cu și fără Antonescu. Iași, 1991. P. 84; **M. Bărbulescu, D. Deletant, K. Hitchins, Ș. Papacostea, P. Todor.** Istoria României. București, 1998. P. 448; **I. Scurtu.** Istoria României în anii 1918—1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură. București, 1996. P. 182.

⁹ См. **Б. М. Колкер, И. Э. Левит.** Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). С. 106, 107.

³ **А. А. Язькова.** Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963. С. 253.

⁴ См. **А. А. Шевяков.** Советско-румынские отношения и проблемы европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977. С. 339—346.

⁵ **В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.** Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 321—322.

⁶ См. **Б. М. Колкер, И. Э. Левит.** Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1971. С. 22.

де Европы, Советский Союз посчитал весьма разумным использовать данное положение с целью мирного разрешения бессарабского вопроса. 23 июня советское правительство предупредило германское правительство о своих намерениях в отношении Бессарабии и Буковины¹⁰. А 26 июня Молотов в беседе с Шуленбургом заявил, что советские требования «ограничиваются северной частью Буковины с городом Черновицы»¹¹.

В тот же день В. М. Молотов предъявил румынскому правительству ноту, в которой потребовал уступить Бессарабию и Северную Буковину в течение 24 часов¹². В ответе Молотову посланник Дэвидеску пытался опровергнуть советские аргументы, однако это не произвело на наркома никакого впечатления. Уже 28—29 июня эти территории де-факто вошли в состав Советского Союза. Карл II обратился за помощью к Германии, но не получил ее¹³. В этом контексте следует заметить, что, во-первых, Гитлер никогда не стал бы воевать с кем-либо ради румынских интересов, а во-вторых, он был еще не готов к войне против СССР.

¹⁰ См.: **В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.** Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 323—324, 343—346; **I. Şişcanu.** Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române, 1940. P. 79.

¹¹ См.: **В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.** Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 323—325, 343—349; **I. Constantin.** România, Marile puteri și problema Basarabiei. București, 1995. P. 64—69.

¹² См. **I. Şişcanu.** Raptul Basarabiei. 1940. Chişinău, 1993. P. 29.

¹³ См. **В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.** Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 354—356, 358—359; **V. Fl. Dobrinescu.** Bătălia diplomatică pentru Basarabia, 1918—1940. Iași, 1991. P. 215—216; **Gh. Tătărescu.** Mărturia pentru istorie. București, 1996. P. 236—237; «Diplomația cotropitorilor. Culegere de documente». Chişinău, 1992. P. 135—140, 151—152; **V. Fl. Dobrinescu.** Bătălia diplomatică pentru Basarabia, 1918—1940. P. 154, 181.

Румынские власти обратились к итальянцам, к своим турецким, греческим и югославским союзникам, однако и с их стороны не получили никаких гарантий помощи в случае военного столкновения с СССР¹⁴. В связи с этим известный германский историк А. Хилльгрубер констатирует, что «политически в бессарабском вопросе Румыния оказалась в полной изоляции»¹⁵. А румын И. Константиану делает вывод, что «и Берлин, и Рим дали “зеленый свет” Московскому правительству для аннексии Бессарабии и разрушения таким образом территориальной целостности Румынии»¹⁶.

В конце концов Карл II «попытался заручиться поддержкой англичан, мрачными красками рисуя советскую угрозу Проливам. Он призывал Черчилля действовать, “как лорд Солсбери и мистер Дизраэли, когда Бессарабия перешла в другие руки в 1878 г.” Но в Лондоне к подобным намекам отнеслись как к “желанию румын в настоящий момент напугать нас до дрожи замыслами русских”»¹⁷. Британский премьер У. Черчилль в беседе с советским послом И. Майским иронически вопрошал: «Что это означает: возврат к империализму царских времен?.. Но если Ваши действия продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом, — что с того, у меня нет возражений... Должно быть в Берлине не

¹⁴ См.: **В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.** Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 324—326, 348—356, 357—361; **A. Cretzianu.** Ocazia pierdută. Iași, 1998. P. 235—236; **I. Constantin.** România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 72, 77.

¹⁵ **A. Hillgruber.** Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938—1944). P. 97.

¹⁶ **I. Constantin.** România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 69.

¹⁷ **Г. Городецкий.** Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. — www.militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html

очень довольны Вашей экскурсией в Румынию?»¹⁸

Англичане были озабочены обеспечением собственной безопасности, и «румынские проблемы» волновали их меньше всего. С этой целью важнейшей задачей являлось налаживание нормальных связей с Советским Союзом как потенциальным союзником в борьбе с гитлеровской Германией. После поражения Франции в Москву прибыл новый английский посол Стафорд Криппс, сторонник теснейшего взаимодействия Великобритании и СССР¹⁹.

В Лондоне правильно поняли, чего хочет Москва, поэтому в ночь с 24 на 25 июня Криппсу был выслан текст послания премьер-министра. «Криппс, — указывает официальный британский историограф Второй мировой войны Л. Вудвард, — был проинструктирован уклоняться от дискуссий о Бессарабии... Если будут упомянуты балтийские государства, сэр Криппс должен будет высказать убеждение, что недавние действия Советского правительства были вызваны «величиной и размахом» немецкой военной опасности... и [его] действия можно считать мероприятиями по самозащите»²⁰.

В этом контексте украинский исследователь В. Макарчук отмечает, что «с Великобританией, “гарантом” румынских границ, торг [СССР] за Бессарабию начался скорее, чем с Германией, и проходил куда легче». А уже 22 октября 1940 года английское правительство направило совет-

скому руководству меморандум, в котором отмечалось, что «британское правительство признает де-факто суверенитет СССР в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии»²¹.

А вот как комментируют англосаксонскую позицию румынские историки В. Фл. Добринеску и И. Константин: «Английская реакция на аннексию Бессарабии, Северной Буковины и района Герца выразила безразличие и пассивность... В то драматическое для румынского народа время Англия нашла “оправданными” советские и болгарские претензии на важнейшие части румынской территории и желала румыно-венгерского столкновения, которое де-факто вывело бы СССР к Карпатам и спровоцировало бы советско-германский конфликт... Реакция американских властей в отношении трагических событий, свалившихся на Румынию в конце июня 1940 года, выразилась в “молчаливом согласии”, что не могло не повлиять и на общественное мнение этой страны»²².

И. Константин осведомляет читателя, что «вся английская пресса... приветствует успех русской дипломатии в отношении вступления в Румынию. Эти издания пришли к выводу, что данная акция “не имеет антианглийской направленности, а, напротив, будет иметь катастрофические последствия для Германии и Италии, если возрастет русское влияние на Балканах”. Такие газеты, как “New Chronicle” и “Daily Herald”, считали претензии Советского Союза к Румынии “справедливыми”»²³.

¹⁸ «Документы внешней политики СССР». Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 409.

¹⁹ См. **П. П. Севостьянов**. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1981. С. 180.

²⁰ *Цит. по:* **В. Макарчук**. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010. С. 223.

²¹ Там же. С. 223—225.

²² **V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin**. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939—1947). Iași, 1995. P. 177—179.

²³ **I. Constantin**. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 98.

Коронный совет Румынии в этих условиях принял советские предложения по возврату Бессарабии²⁴. Видный современный израильский историк Г. Городецкий, оценивая эти события, отмечает, что «мотивы поведения Сталина обуславливались в первую очередь чистой Realpolitik... Оккупация Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. была скорее результатом желания обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря, чем следствием ненасытного аппетита русских, как это часто представляют в литературе. Экспансия *per se* была лишена всякого идеологического мотива... Распространение советской системы безопасности на устье Дуная создавало необходимую глубину обороны для Севастополя и Одессы, находившихся всего лишь в 40 км от румынской границы... Оккупация Северной Буковины также мотивировалась стратегическими соображениями. Она принесла Сталину контроль над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов... Королю Каролю было настоятельно рекомендовано уступить Бессарабию без сопротивления»²⁵.

²⁴ См.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 359–371; W. P. van Meurs. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 108; I. Şişcanu. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române, 1940. P. 101–112.

²⁵ Г. Городецкий. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. — www.militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html

Акт воссоединения молдавского народа в оценках историков

Принимая во внимание наличие разных оценок произошедшего, надо признать, что для молдавского народа включение Бессарабии в состав СССР явилось положительным событием, освободившим его от 22-летнего чужеземного господства и создавшим условия для восстановления его государственности. 2 августа 1940 года была образована Молдавская ССР, правопреемницей которой

Принимая во внимание наличие разных оценок произошедшего, надо признать, что для молдавского народа включение Бессарабии в состав СССР явилось положительным событием, освободившим его от 22-летнего чужеземного господства и создавшим условия для восстановления его государственности.

является современная Республика Молдова. Вот как оценивает данное событие известный молдавский историк А. Морарь (в советское время — пламенный борец с «буржуазными фальсификаторами», а ныне — с «советским тоталитаризмом»): «Образованием Союзной Молдавской ССР и созданием ее органов власти и управления, принятием Конституции республики завершилось создание советской национальной государственности молдавского народа»²⁶.

²⁶ С. Я. Афтенюк, А. Г. Морарь. Критика антикоммунистических извращений истории Советской Молдавии. Кишинев, 1974. С. 27.

В другой своей научной работе, в продолжение острой полемики с «буржуазными фальсификаторами», он приходит к выводу, что «воссоединенный молдавский народ обрел свое единое советское государство в семье народов-братьев и при их помощи... Молдавская ССР [была] создана на исконно молдавских землях»²⁷.

Что касается румынской историографии, то в ее рамках события июня 1940 года интерпретируются исключительно отрицательно, и в особенности спешка, с которой советская сторона потребовала очистить Прутто-Днестровское междуречье. Так, например, Ш. Константинеску делает вывод, что советские ноты от 26 и 28 июня 1940 года являются «самым драматическим событием, ударившим по Румынии с момента Великого Объединения 1918 года, настоящим сейсмическим потрясением»²⁸.

«Эвакуация уступленных территорий происходила в тяжелейших, зачастую драматических условиях по причине нехватки времени... — считает К. Кирицеску. — То обстоятельство, что приказы об эвакуации были переданы румынской стороной лишь в последний момент и распоряжения правительства сводились к идее избегать любых конфликтов с теми, которые должны были сменить нас, породило хаос, панику и страх»²⁹.

Возможно, что события и в самом деле развивались слишком быстро. Однако, учитывая всю историю советско-румынских отношений начиная с 1917 года, Москва не видела ни одно-

го повода, чтобы доверять румынской олигархической элите. В первую очередь советские руководители не забыли о нарушении румынской стороной соглашения «Раковский — Авереску» от 5—9 марта 1918 года³⁰. И само собой, они не хотели упустить благоприятный момент для решения бессарабского вопроса в пользу СССР.

Политическое руководство Румынии капитулировало и отдало без борьбы провинции, которые считало «исторически румынскими». Однако то, что не защищаешь, более тебе не принадлежит. Но если предположить невозможное и в 1940 году был бы проведен референдум, на котором население Бессарабии без давления, под международным контролем свободно могло выразить свое мнение, — по итогам волеизъявления в составе Румынии оно не осталось бы. Этот принципиальный вывод подтверждается хотя бы следующим фактом: на 8 июля 1940 года в румынской армии в бегах числились 61 970 солдат и офицеров³¹. Подавляющее их большинство были бессарабцами.

Однако в румынской и «околорумынской» историографии господствуют иные оценки данного события. Например, И. Шишкану утверждает: «Бессарабия, север Буковины и край Херца были насильно отторгнуты [у Румынии] и силой оружия аннексированы Советским Союзом»³². На этот и иные «аргументы» другой молдавский историк, Петр Шорников, отвечает: Бессарабия «была захвачена Румынией в ходе вооруженной интервенции, и Россия возвращала себе свое. Как сторона, подвергшаяся на-

²⁷ С. Я. Афренюк, А. Г. Морарь. Действительность и измышления фальсификаторов. Кишинев, 1984. С. 80, 81.

²⁸ Ș. Constantinescu. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. — «Historia. Revistă de istorie». 2006. № 12. P. 52.

²⁹ С. I. Kirițescu. România în al doilea război mondial. Vol. 1 București, 1996. P. 123; см. также: V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939—1947). P. 56.

³⁰ См. «Документы внешней политики СССР». Т. 1. М., 1959. С. 210—211.

³¹ См.: В. П. Платон. Против фашизма, за воссоединение с Советской Родиной, 1934—1940. Кишинев, 1983. С. 181; P. Șornikov. Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial. Chișinău, 2013. P. 47.

³² I. Șișcanu. Raptul Basarabiei. 1940. P. 3.

падению, она не могла быть ограничена в выборе методов самообороны никаким международным актом»³³.

В другой работе И. Шишкану продолжает: «Таким образом, силовой аргумент, неблагоприятная для Румынии международная обстановка и поддержка советских претензий на румынские территории со стороны Германии заставили *немедленно решить* вопрос об эвакуации Бессарабии и Северной Буковины... После долгих споров было решено не отвергать советский ультиматум, так как в условиях отсутствия помощи извне длительное сопротивление лишь собственными силами является невозможным...»

Положение Румынии было совершенно ясным: уступить или воевать. В тех условиях война означала уничтожение всей румынской армии и невозможность организации обороны от возможных атак с других направлений... «Начальник Генерального штаба генерал Тенеску... придерживался мнения, что следует принять ультиматум, чтобы завтра не пришлось уступить еще больше». В конце дискуссии премьер Г. Тэтэреску раскрыл невозможность оказания сопротивления советской армии и доказал, что вследствие подобного сопротивления будет полностью разбита румынская армия, стремительно оккупирована вся страна и разрушено румынское государство. Он пришел к выводу о невозможности отступления армии... и сделал следующее заявление: «...Решено эвакуировать Бессарабию и Верхнюю Буковину, с тем чтобы спасти жизнь Румынскому Государству и обеспечить будущее румынизма»...

Румыния не могла рассчитывать... на военную помощь Франции и Англии..., Румыния не располагала... линиями снабжения, коммуникаций и

отступления... Таким образом, в сложившихся в 1940 г. исторических обстоятельствах не будет преувеличением утверждение, что возникла угроза самому существованию государства, и это в то время, когда уже столько государств было уничтожено»³⁴.

Вот слова самого Г. Тэтэреску: «Сопrotивление представляло собой самое простое решение: это было инстинктивным выражением мужества. Сопrotивление выразило бы ясную волю народа, осознающего свои права и свою историческую миссию. Но сопротивление означало не просто неравную борьбу, но войну, в которую наша армия не могла бросить все свои силы, так как должна была защищать и другие угрожаемые участки фронта, к тому же в условиях, в которых любая помощь становилась иллюзорной, а отступление — невозможным. В лучшем случае, сопротивление означало бессмысленную растрату наших вооруженных сил»³⁵.

В принципе данную точку зрения поддерживал и один из наиболее серьезных румынских историков Фл. Константиу, который считал, что «то положение полнейшей политической и военной изоляции, в котором оказалась Румыния, не оставляло Бухарестскому правительству иного выбора, — во имя избежания войны, которая из-за неблагоприятного соотношения сил могла окончиться для Румынии только катастрофой, — кроме как уступить затребованные Советским Союзом территории»³⁶. Ш. Константинеску еще более категоричен и утверждает, что «в этом случае (имеется в виду оказание вооруженного сопротивления. — С. Н.) в результате

³⁴ См. **I. Şişcanu**. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române, 1940. P. 96, 102, 104—105, 108—109, 111, 112.

³⁵ **Gh. Tătărescu**. Mărturii pentru istorie. P. 239.

³⁶ **Fl. Constantiniu**. Dictatul de la Moscova (26—28 iunie 1940) și relațiile sovieto-germane. — «Revista istorică». 1992. № 1—2. P. 17.

³³ **П. М. Шорников** Бессарабский фронт. Кишинев, 2010. С. 206.

поражения Румыния была бы разделена между СССР, Венгрией, Болгарией и Германией»³⁷.

Английский исследователь Д. Делетант полагает, что главным аргументом против оказания сопротивления Советскому Союзу было опасение одновременной синхронизированной атаки со стороны Венгрии и Болгарии³⁸. «Скорее всего, — полемизируют с ним российские историки Исламов и Покивайлова, — этот вывод является преувеличением, ибо решающим аргументом, по-видимому, была все же боевая мощь советских дивизий, отмобилизованных и готовых немедленно форсировать Днестр. Единственная и последняя надежда румын рухнула, как только пришло сообщение о реакции Берлина на просьбу о содействии»³⁹.

Румынские историки пытаются доказать, что события 28 июня 1940 года являются прямым следствием пакта Молотова — Риббентропа. Деюре — это не так, так как подписанные документы не содержали ничего по поводу раздела территорий⁴⁰. Де-факто — частично да, поскольку в них идет речь об «интересе» сторон в отношении ряда территорий. Но опять-таки, вхождение Бессарабии в состав СССР не являлось прямым результатом советско-германского соглашения. «28 июня» стало возможным благодаря коренному изменению международной конъюнктуры. Кроме

того, не следует забывать, что данное событие стало следствием 22-летней борьбы советской дипломатии за возврат Пруто-Днестровской Молдовы в состав советского государства.

Комплексное мнение румынских историков по проблеме 1940 года было в свое время выражено К. Кирицеску: «Возможно, все-таки следовало оказать сопротивление? Но в тех условиях оно безальтернативно означало бы разрушение страны без возможности ее восстановления на длительный период... Мудрость подсказывает нам, что не было ничего лучшего, как уступить, в надежде, что время, столь полное сюрпризов и непредвиденных обстоятельств, создаст новую, благоприятную нам конъюнктуру»⁴¹.

В действительности же сопротивление ни в коем случае не означало бы «разрушения страны». Этим словосочетанием оправдывается неэффективность, трусость и глупость румынской правящей олигархии. В той ситуации, бесспорно драматической для Румынии, «оборонительная» позиция была не только более честной, но и, по нашему мнению, еще и с точки зрения государственных интересов Румынии более реалистичной, в особенности с позиций будущего. И не следует впутывать в это дело «государственную мудрость». На деле же политика тогдашних румынских властей носила трусливый и лицемерный характер.

Тем не менее в румынской историографии господствует оправдательное отношение к подобной политике. Получается, что Румыния имеет право на существование в качестве независимого государства лишь в случае одобрения этого со стороны ведущей и сильнейшей на тот или иной момент державы или блока государств.

³⁷ **Ș. Constantinescu.** Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. — «Historia. Revistă de istorie». 2006. № 12. P. 52.

³⁸ См. **D. Deletant.** The Molotov—Ribbentrop and its Consequences for Basarabia: some Considerations on the Human Rights implications. — «Revue Roumaine d'histoire». 1991. Vol. 30. № 3—4. P. 223.

³⁹ **Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова.** Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 годы. М., 2008. С. 91.

⁴⁰ См. «Год кризиса, 1938—1939. Документы и материалы». В 2 т. М., 1990. Док. №№ 602, 603. — www.katyn-books.ru/archive/year/God_krizisa_1t_2t.htm

⁴¹ **C. I. Kirîțescu.** România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 121—122.

Правда, далеко не все румынские историки разделяют это мнение. Так, например, К. И. Стан отмечает, что эвакуация Бессарабии и Северной Буковины «являлась, по нашему мнению, политической ошибкой. Был создан опасный прецедент»⁴².

Поскольку до сегодняшнего времени появляются спекуляции насчет позиции румынского руководства в июньские дни 1940 года, сошлемся на суждение весьма осведомленного деятеля официального Бухареста той поры. 28 августа 1940 года премьер-министр Румынии И. Джигурту писал германскому министру иностранных дел И. Риббентропу: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце Первой мировой войны... Мы не боролись за это объединение и, между прочим, это объединение не было одной из целей, которые мы преследовали в великой войне. Поэтому... понятно, почему наш народ согласился с уступкой [Бессарабии] без всякой борьбы»⁴³.

В этом контексте возникает еще одно логическое соображение: в 1940 году, уступив Бессарабию Советскому Союзу, румынские власти ни в какой форме — предъявления ли протеста советской стороне, адресованного ли международной общественности заявления, официального ли обращения к государствам мира и международным организациям или любой другой акции — не выразили идею о том, что уступка осуществляется под давлением грубой силы, что она незаконна, что Бессарабия есть «румынская земля». Другими словами, румынская сторона не предприняла никакой акции юридического характера, которая

объявляла бы передачу Бессарабии «незаконным актом» как с точки зрения международного права, так и с позиций румынского национального законодательства. Наоборот, приняв без подобного рода декларации советское предложение, румынское правительство де-факто и де-юре признавало, что передает СССР не принадлежащую Румынии советскую территорию.

Соответственно, плач об «аннексии», «ульгиматуме»⁴⁴, «насильственном навязывании» и т. д. и т. п. возник позднее, а в наши дни имеет чисто идеологически-пропагандистский характер. Например, уже упоминавшийся Ш. Константинуеску прямо называет СССР агрессором, а его действия — актом агрессии. И для того, чтобы аргументировать свой тезис, автор ссылается на конвенцию от 3 июля 1933 года, определявшую в качестве агрессора государство, которое «вторглось своими вооруженными силами... на территорию другого государства»⁴⁵.

Во-первых, подписывая указанную конвенцию, советская сторона подчеркнула, что ни в коем случае не признает включение Бессарабии в состав Румынии. Таким образом, с точки зре-

⁴⁴ Вот оценка характера советской ноты, данная одним из молдавских историков: «Вопрос о том, являлась ли нота правительства СССР, направленная в Бухарест 26 июня 1940 г., ультиматумом, заслуживает рассмотрения только потому, что используется румынской историографией в качестве обвинительного ярлыка против политики СССР/России. На деле ни положительный, ни отрицательный ответ на этот вопрос значения для оценки акта воссоединения Бессарабии с Россией не имеют. Возврат области в состав России представлял собой... восстановление статус-кво, существовавшего до румынской интервенции 1918 г. Таким образом, предъявление Москвой ультиматума Бухаресту — если оно имело место — не может быть признано более предосудительным, чем вторжение румынских войск в Бессарабию... Ноту направляли агрессору» и «составляли в разгар мировой войны» (П. М. Шорников. Бессарабский фронт. С. 210, 212).

⁴⁵ Ș. Constantinescu. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. P. 52.

⁴² C. I. Stan. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919–1920). — «Revista istorică». 2001. № 1–2. P. 29.

⁴³ Б. М. Колкер. Из истории румыно-советских отношений в конце 1940 года. — «Русско-румынские и советско-румынские отношения». Кишинев, 1969. С. 112.

ния международного права тезис об «агрессии против Румынии» является беспочвенным. Данный вывод почти повсеместно признается международной исторической наукой. Как мы уже видели, де-факто и де-юре он был признан и румынскими властями летом 1940 года и даже правительством Антонеску после 22 июня 1941 года. Нечего и говорить, что это же было признано в 1944 году при подписании перемирия между Румынией и Объединенными Нациями⁴⁶, а также на Парижской мирной конференции ей (1946—1947)⁴⁷.

⁴⁶ См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 2. М., 1946. С. 205—212; «Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. Документы и материалы». Т. 2. М., 1984. С. 501—506; «Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы». Т. 2. М., 1983. С. 152—157.

⁴⁷ См.: «Мирный договор с Румынией». М., 1947. С. 5. Не все в Румынии признают законность этих решений. Так, например, И. Константин пишет: «Как Московское перемирие от 12 сентября 1944 года, так и Парижский мирный договор от 10 февраля 1947 года содержали в себе порок признания секретных соглашений пакта Риббентропа — Молотова августа 1939 года и советской аннексии румынских территорий восточнее Прута в июне 1940 года» (I. Constantin. *Basarabia sub ocupație sovietică de la Stalin la Gorbaciov*. București, 1994. P. 119). См. также: V. Fl. Dobrinescu, D. Tompea. *România la cele două Conferințe de Pace de la Paris (1919—1920, 1946—1947). Un studiu comparativ*. Focșani, 1996. P. 106; V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin. *Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939—1947)*. P. 343; I. Constantin. *România, Marile puteri și problema Basarabiei*. P. 240. Самым «убойным аргументом» для оправдания румынских претензий на Бессарабию является так называемое историческое право. Вот как доказывает несостоятельность подобного аргумента П. К. Лучинский: «Какими бы красками его ни мазать, историческое обоснование является абсолютно необидительным и неприемлемым, так как в случае, если бы мы придерживались его, военным ежедневно требовалось бы готовиться к перекройке территорий, а историкам переделывать карты всех государств Европы, Азии, Африки и Америки» (P. Lucinschi. *Moldova și moldovenii. De ce țara noastră este mereu la sărăcie? (Încercare de răspuns la întrebare)*. Chișinău, 2007. P. 211).

Бессарабский вопрос и вступление Румынии во Вторую мировую войну (оценки историков)

Уже упоминавшийся И. Константинеску безапелляционно заявляет, что, «исходя из хода развития событий, можно утверждать, что в конце июня 1940 г. между Румынией и СССР было установлено состояние войны»⁴⁸. То же утверждает и другой его коллега, К. Хлихор: «Фактически Румыния была вовлечена в мировой конфликт против своей воли 28 июня 1940 года... Ультимативные ноты от 26—28 июня 1940 года представляют собой начало тотальной агрессии со стороны советского государства». «Считаем, — продолжает свою мысль тот же автор, — что 22 июня 1941 года является лишь тем моментом, когда на основе международных юридических норм Румыния смогла ответить на предыдущую агрессию»⁴⁹.

Получается, что события 1940 года вопреки желанию Румынии, вынужденной защитить свои законные права военным путем, втянули ее в мировой конфликт на стороне стран «оси». Неужели, сложись все иначе, она воздержалась бы от вступления в войну или (более того!) начала военные действия на стороне Объединенных Наций? Подобное представляется абсолютным бредом: неужели 22 июня 1941 года, вручая Молотову ноту об объявлении войны, румынский посол Гафенку еще не знал о том, что, оказывается, уже год, как его страна находится в «состоянии войны» с СССР!? Но ведь он не читал работ господ Константинеску и Хлихора...

⁴⁸ Ș. Constantinescu. *Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord*. 33 de zile de vară. — «Historia. Revistă de istorie». 2006. № 12. P. 52.

⁴⁹ C. Hlihor. 22 iunie 1941 sau 28 iunie 1940? — «Revista istorică». 1992. № 9—10. P. 1022, 1026.

Между тем в румынской историографии также господствует убеждение, что «и после аннексии Бессарабии и Северной Буковины советское правительство продолжило по отношению к Румынии политику сплошных угроз»⁵⁰ и положил начало целой антирумынской кампании. Так, историк К. Калафетяну считает, что «советский ультиматум конца июня 1940 года явился откровенным сигналом софийскому и будапештскому правительствам для усиления их ревизионистской антирумынской деятельности». Ему вторят и другие: «Советские ультиматумы поощрили Венгрию и Болгарию официально предъявить свои территориальные претензии Румынии»⁵¹.

А И. Кипер приходит к выводу, что после 28 июня «сближение или сотрудничество с Советским Союзом были не просто абсурдными, но и поистине опасными для существования румынского национального государства... Советский Союз и в дальнейшем про-

водил антирумынскую политику»⁵². В действительности вина за то, что последовало, лежит на политике всех предыдущих румынских правительств, политике, которая расположила против Румынии почти всех ее соседей. Сожалею, что в румынской исторической науке до настоящего времени все еще не наступило осознание этого факта. Не извлекать уроков из трагического прошлого своей страны действительно означает ставить под угрозу ее будущее.

В дискуссиях последних лет о событиях 1940 года и о характере войны Румынии против СССР существует один довольно любопытный аспект. Речь идет о «смене вех» некоторых молдавских историков, которые в свое время писали и рьяно доказывали одно, а в начале 1990-х годов перешли на противоположные позиции. Одним из таких примеров является научная и общественная деятельность доктора наук, профессора А. К. Мошану, долгие годы занимавшего видное место в молдавской коммунистической историографии и партийной номенклатуре, а впоследствии перешедшего на антисоветские и русофобские позиции.

Ранее, оценивая бессарабские события 1940 года, он убедительно опровергал «утверждения... о том, что переход королевской Румынии на сторону фашистской Германии был результатом советской ноты от 26 июня 1940 г.», называя их «лишенными всякого основания. В ноте, как известно, Советское правительство потребовало немедленного мирного урегулирования вопроса о Бессарабии и Северной Буковине, захваченных буржуазно-помещичьей Румынией в 1918 году»⁵³.

⁵⁰ **C. Calafeteanu.** România, 1940: urmările unei nedreptăți. — *Historia. Revistă de istorie.* 2008. № 6. P. 18.

⁵¹ *См.: Ibid.* P. 20, 22; **S. M. Catalan, Fl. Constantiniu.** Frontiere în mișcare: modificări politico-teritoriale în Europa răsăriteană (1938—1947). — «*Revista istorică.*» 1992. №. 7—8. P. 696; *см. также:* **V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin.** Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939—1947). P. 61, 162—166; **I. Constantin.** România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 91. Определенная логика в этих утверждениях имеется. Так, в беседе с Шуленбургом Молотов отметил: «Советскому правительству кажется, что основания у Венгрии и Болгарии для претензий к Румынии есть, но советское правительство не может за них решить вопрос, являются ли их претензии срочными, или они могут быть отложены» («Документы внешней политики СССР». Т. 23. Кн. 1. С. 376). Советский полпред в Бухаресте также писал: «Факт возвращения нам Бессарабии разрушил тезис о целостности Румынии и открыл Венгрии возможность для предъявления своих требований» (**Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова.** Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 92). 4 июля в беседе с венгерским послом в Москве Криштоффи Молотов заявил: «Советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания» («Документы внешней политики СССР». Т. 23. Кн. 1. С. 415—416).

⁵² **I. Chiper.** Obiective, mijloace și metode ale diplomației române în anul 1941. — «*Revista istorică.*» 1991. № 3—4. P. 123.

⁵³ *См. В. Н. Лунгу, А. К. Мошану.* Рецензия на книги: **И. Э. Левит.** Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. (1.IX.1939—19.XI.1942). Кишинев, «Штиинца», 1981; **его же.** Крах политики агрессивной диктатуры Антонеску (19.XI.42—23.VIII.44). Кишинев, «Штиинца», 1983. — «*Вопросы истории.*» 1984. № 5.

Заметьте, в 1984 году обо всем этом профессору Мошану было «известно», а сегодня — «нет»!

В подтверждение своего тезиса, направленного против «западных фальсификаторов», он утверждал, что «с конца мая 1940 г. режим королевской диктатуры принимает решение перейти на сторону фашистской Германии. А 20 июня 1940 г. Тэтэреску вручил германскому послу в Бухаресте меморандум, в котором содержалось предложение заключить военный союз. Кароль II, инициатор этого союза, поспешил завершить процесс фашизации страны, начатый ранее: фашистская идеология была провозглашена духовной основой государства».

А вот как оправдывалось вхождение Бессарабии в состав СССР геополитическими соображениями, а также необходимостью крепить его безопасность: «Превращение королевской Румынии в фашистское государство, стремившееся заключить союз с гитлеровской Германией, направленный против Советского Союза, представляло серьезную опасность для нашей страны. Было ясно, что Румыния становится предмостным укреплением рейха, готовившегося к войне против СССР. В этих условиях Советская страна не могла мириться с дальнейшим порабощением Бессарабии и Северной Буковины и с перспективой появления гитлеровских войск на берегу Днестра, вблизи жизненно важных промышленных районов Советской Украины. Все это и обусловило появление упомянутой ноты»⁵⁴.

В заключение следует подчеркнуть, что 28 июня 1940 года мирным путем, в соответствии с существующим международным правом был окончательно решен бессарабский вопрос. В результате этого молдавский народ получил возможность восстановить свою государственность в составе СССР. Хотя последующие события — нападение 22 июня 1941 года Румынии на Совет-

ский Союз в качестве сателлита гитлеровской Германии — и были отчаянной попыткой «переиграть ситуацию» и вернуть себе Бессарабию, однако, исходя из принципов международного права, их нельзя считать «продолжением» так называемого бессарабского вопроса.

Стремление Румынии решить свои территориальные проблемы после 22 июня можно интерпретировать лишь как агрессию против соседнего государства с целью аннексии его международно признанной территории. И этот факт румынская элита прекрасно осознавала. На заседании Совета министров от 8 июля 1941 года заместитель премьера М. Антонеску заявил: «Столько времени, сколько продолжают военные действия, румынское государство не издало декрета об аннексии этих территорий, мы лишь занимаемся их обустройством. Мы находимся в состоянии военной оккупации, а не оккупации как способа захвата территории. Таким образом, здесь осуществляется суверенитет оккупанта, а не суверенного государства. До того момента, когда мы сделаем формальную декларацию об аннексии, а это нельзя сделать до завершения военных действий или хотя бы до того, когда станет ясно их близкое окончание, до того с точки зрения чистого права мы находимся в состоянии военной оккупации, и установленный здесь режим может руководствоваться лишь законами военного времени»⁵⁶. К этому сложно что-либо добавить.

Другими словами, в 1940 году Советские не только ни на кого не нападали, но с точки зрения международного права агрессор и оккупант в лице королевской Румынии добровольно, мирным путем, не оказывая ни малейшего сопротивления, возвратил захваченную и аннексированную им еще в 1918 году территорию Бессарабии. ◆

⁵⁶ «Evreii din România între anii 1940—1944». Vol. 2: Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniștri. București, 1996. P. 264.

⁵⁴ Там же. С. 127.